

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-27-41

Дж.К. Гэлбрейт

Школа по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (Техас, США)

НЕРАВЕНСТВО И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ – ПОДХОД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НООНОМИКИ¹

Аннотация: в статье отмечено, что низкое и стабильное неравенство связано с сильными институтами и богатством; высокое неравенство – это удел более бедных стран с открытой экономикой, нестабильных цен на сырье и колеблющихся процентных ставок, а также военных конфликтов и политических потрясений. Вместе с тем, в самых богатых странах мирового центра (в особенности в США) основной движущей силой неравенства является растущая позиция финансового сектора и рыночная капитализация технологического сектора (фирм), которые контролируют «экономику знаний».

Ключевые слова: глобальное неравенство, технологические изменения, экономика знаний, ноономика.

Для цитирования: Гэлбрейт Дж. К. (2024). Неравенство и промышленные изменения – подход с точки зрения ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 3. С. 27–41. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-27-41

James K. Galbraith

The Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas at Austin (Texas, USA)

INEQUALITY AND INDUSTRIAL CHANGE – A NOONOMY PERSPECTIVE

Abstract: The author proposes that low and stable inequality is associated with strong institutions and wealth while high inequality becomes the fate of poorer countries with open economies, unstable commodity prices and interest rates, as well as military conflicts and political upheavals. At the same time, in the richest countries of the global center (especially in the United States), the main driver of inequality is the growing position of the financial sector and the market capitalization of the technology sector (companies) that control the “knowledge economy”.

Keywords: global inequality, technological change, knowledge economy, noonomy.

For citation: Galbraith J. K. (2024). Inequality and Industrial Change – a Noonomy Perspective. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 3, pp. 27–41. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-27-41

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на 38-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «За гранью современного капитализма: знания, технологии, ноономика» (05 сентября 2024 г., г. Стамбул, Турция)

加爾布雷思 J. K.

德克萨斯大学奥斯汀分校林登-约翰逊公共事务学院(美国, 德克萨斯州)

用智慧经济学观点看待不平等与工业变革

摘要:文章指出, 低级而稳定的不平等与强大的制度和财富相关; 高级不平等是经济开放、商品价格波动、利率起伏以及军事冲突和政治动荡的较贫穷国家的命运。然而, 在全球最富裕的国家(尤其是美国), 不平等的主要驱动力是金融部门日益增长的地位和控制“知识经济”的技术领域(公司)通过市场的资本化。

关键词:全球不平等、技术变革、知识经济、智慧经济。

引用注释:加爾布雷思 J. K. (2024) 用智慧经济学观点看待不平等与工业变革//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 3, pp. 27–41. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-27-41

Введение

Вопрос, на который меня попросили ответить, лежит на стыке работ профессора Сергея Бодрюнова и моей собственной. Каково влияние промышленных изменений и, в частности, развития экономики знаний на распределение доходов и их неравенство?

Я не буду тратить время на неоклассические аллегории о предельной производительности и техническом прогрессе со смещением по квалификации, хотя они могут быть утешительными для олигархов мира технологий. Презумпция гениальности, сопровождающая большое богатство, – это старая сказка; она редко выдерживает объективную критику.

Двумя важными фигурами являются Йозеф Шумпетер и Саймон Кузнец, мигрировавшие в Гарвард из руин Австро-Венгерской и Российской империй, соответственно. Они были коллегами и, возможно, соседями; я не думаю, что они были друзьями. Шумпетер придерживался глубоко консервативных взглядов, граничащих с фашизмом; Кузнец внес значительный вклад в военные усилия США во Второй мировой войне.

Однако Шумпетер [Schumpeter, 1942] понимал, что новая технология – это инструмент реальной конкуренции, что ее цель – обеспечить монопольное преимущество и связанные с ним колоссальные выгоды, и что в этой постоянно меняющейся лотерее есть два вида проигравших – те, кто соревнуется, но не побеждает, и те, чьи средства к существованию, основанные на старых технологиях, уничтожаются. В этом понимании Шумпетер разделял мнение Маркса, который писал о костях ткачей хлопка, белеющих в песках Индии под натиском свободной торговли и британских промышленных преимуществ. Разница заключалась в том, что в отличие от Маркса Шумпетер не проявлял возражений; для него это было естественным положением вещей.

Ключевая идея Кузнеца заключалась в том, что структурные изменения, в частности, индустриализация и урбанизация, были движущими силами изменения неравенства личных доходов [Kuznets, 1955]. Его простой и яркий пример – возникновение городов в крестьянско-аграрной стране – можно модифицировать, чтобы охватить и проиллюстрировать более сложные или специализированные промышленные структуры, такие как финансовые центры или ресурсные феодальные владения. И его можно расширить, включив в него

шумпетерианский феномен концентрации доходов и богатства через рыночную капитализацию новых технологий. Такие расширения в сочетании с методами измерения, заимствованными из теории эконометрики Анри Тейла, являются основой обширной работы по отслеживанию и измерению эволюции экономического неравенства, за которую я отвечаю в течение многих лет (в частности, Galbraith, 1998; Galbraith, Berner, 2001; Galbraith, 2012).

Метод: измерение неравенства на основе сгруппированных данных

Категории – это группы лиц. Характеристики категории представляют собой статистическую сводку характеристик лиц, входящих в эту категорию. Изменения дохода (скажем) отдельных лиц внутри группы меняют средний доход группы. Таким образом, можно использовать изменение среднего дохода группы в качестве косвенного показателя изменений, затрагивающих соответствующих лиц. По мере того как групповые структуры становятся более детализированными и совершенными, соответствие между группой и отдельным лицом обязательно становится более близким, пока два способа рассмотрения данных не сведут воедино отдельного индивидуума и его собственную группу.

Это имеет место быть независимо от основного характера группы – классифицируются ли лица по местоположению, профессиональной среде, возрасту, полу, массе тела, религии, языку или любой комбинации этих или других характеристик, при условии, что группы являются взаимоисключающими и совместно исчерпывающими («принцип МЕСЕ»), т.е. неперекрывающимися и охватывающими всю наблюдаемую часть населения. Во всех случаях деление групп на подгруппы увеличивает неравенство между группами. И после определенного момента движение распределения, последовательно измеряемого по группам, должно отражать движение того же распределения, измеряемого по отдельным лицам. Проблем с выборкой нет.

Более того, если основными силами, вызывающими изменения в распределении доходов или зарплаток, являются различия между значительными географическими регионами или между различными промышленными или экономическими секторами, тогда довольно грубая структура группы будет отражать важные изменения с течением времени при условии, что структура измеряется последовательно. Наборы административных данных, собирающие данные о доходах и численности населения по регионам, а также о занятости и заработной плате по секторам и отраслям промышленности в иерархических структурах, которые остаются достаточно стабильными с течением времени, поэтому оказываются весьма полезными для проекта по заполнению исторических данных по статистике неравенства.

Ограничением категориальных данных является то, что охваченные группы и соответствующие отдельные лица могут представлять собой систематическую (и, следовательно, предвзятую) подгруппу изучаемой группы населения. Таким образом, из обзора производственных предприятий можно исключить работников тех предприятий, которые меньше определенного размера, а работники сельского хозяйства, сферы услуг и неформальной экономики вообще не охватываются. Но у распределений есть особенность, известная математикам как фрактал. Фрактальный характер распределения подразумевает, что до тех пор, пока сохраняются широкие социальные отношения в обществе (пока банкиры зарабатывают больше, чем фабричные рабочие, которые зарабатывают больше, чем крестьяне), гораздо более вероятно увеличение неравенства в пределах данной системы наблюдения, скажем, в производственном секторе, оно четко наблюдаемое, чем отсутствие зеркально-

го отображения изменения в распределении в целом. Точно так же можно узнать погоду (обычно, хотя и не всегда через окно) с первого взгляда. Не обязательно видеть все небо.

Результаты: последовательное множество данных о мировом неравенстве

Особый методологический вклад исследовательской группы, известной как «Проект Техасского университета по изучению неравенства», которую я возглавлял почти тридцать лет, заключался в том, чтобы объединить эти идеи об источниках категориальных данных, которые в реальном мире дешевы и многочисленны, с предложенными Анри Тейлом [Theil, 1972] общими энтропийными показателями неравенства между группами, в частности, с межгрупповым компонентом T-статистики Тейла, простой и гибкой формулой, которая требует всего две порции информации о любой групповой структуре, а именно общую численность населения (или занятость) и общий доход (или заработную плату) каждой группы. На основе этого можно вычислить показатель неравенства, на который не влияют ни ошибки выборки, ни инфляция, ни различия/изменения денежной единицы с течением времени. Более того, этот показатель можно произвольно агрегировать по секторам или регионам либо разделить между ними. Таким образом, статистика хорошо подходит для построения плотных, последовательных длинных временных рядов неравенства на ежегодной или даже ежемесячной основе, если позволяют источники. Массовое производство таких рядов на основе различных источников национальных и региональных данных стало первым вкладом «Проекта Техасского университета по изучению неравенства» [Conceição, Galbraith, Bradford, 2001]¹.

Но было еще кое-что. По причинам, которые остаются математически неясными, в наборах данных, которые измеряют занятость и заработную плату в последовательно категоризованных отраслях промышленности или секторах экономики – примеры включают Промышленную статистику Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Структурный анализ ОЭСР (СТАН) и Комиссию по вопросам региональной политики Евростата, – межгрупповой компонент T-статистики Тейла эффективно нормализуется, так что показатели, сравниваемые между странами, а не только во времени внутри страны, имеют тенденцию близко соответствовать имеющимся показателям, основанным на исследованиях (особенно на основе гармонизированных наборов данных, таких как Люксембургское исследование доходов). Они также имеют тенденцию плавно изменяться от страны к стране, например, увеличиваясь с севера на юг в Европе, таким образом свидетельствуя о том, что международные сравнения этих показателей соответствуют основным экономическим реалиям².

¹ Формула для межгруппового компонента T-статистики Тейла по G-группам: $T = \sum_i \{p_i R_i \ln(R_i)\}$ для $(i=1 \dots G)$, где p_i – доля населения (или занятости) группы i , а R_i – отношение среднего дохода (или заработной платы) в группе i к средней заработной плате населения (или занятого населения) в целом. Таким образом, группы с доходом (или зарплатой) выше или ниже среднего вносят положительный (отрицательный) вклад в общее неравенство, и вклад каждой группы взвешивается по ее доле в населении (занятости). Выражение в скобках называется «элементом Тейла» для каждой G-группы. T представляет собой сумму «элементов Тейла» и всегда является положительным числом. Повторение этих расчетов в смежные периоды времени с использованием стабильной групповой структуры позволяет получить очень чувствительный показатель эволюции неравенства на основе широкодоступных исходных данных [Conceição, Galbraith, 2000; Ferguson, Galbraith, 1999].

² Чего нельзя сказать о, по крайней мере, некоторых наборах данных, основанных на исследованиях, которые в некоторых случаях показывают резкие несоответствия в неравенстве между соседними странами (например, Францией и Германией) со схожим средним уровнем доходов и открытыми границами. Но если бы во Франции было радикально большее неравенство, чем в Германии, как показывают некоторые наборы данных, тогда низкооплачиваемые рабочие мигрировали бы в Германию из Франции. Не похоже, что это общий случай.

Знание того, что межгрупповая статистика Тейла может точно отражать как эволюцию неравенства с течением времени, так и сравнительные уровни неравенства между странами (или другими географическими образованиями, такими как субнациональные регионы в Европе или штаты США), открыло перспективу поиска международных, межконтинентальных и глобальных моделей в эволюции неравенства во времени. Это, в свою очередь, открыло возможность выявления сил, определяющих континентальную или даже глобальную макроэкономику неравенства, а также разложения каждого показателя неравенства на конкретные вклады каждого региона или сектора, что позволяет подробно и точно описывать историю неравенства, выходящую далеко за рамки ограниченной информации, сообщаемой о домашних хозяйствах или лицах в исследованиях. Также стало возможным искать институционные и политические механизмы изменения неравенства внутри стран, поскольку эти показатели оказываются чувствительным отражением революций, *государственных переворотов* и смены режима. Иногда можно обнаружить даже обыденные последствия обычных выборов. Эти и другие темы освещены в статьях и книгах, написанных в рамках «Проекта Техасского университета по изучению неравенства».

Анализ: интеграция в микро- и макроглобальном масштабе

Создание концептуально последовательных, плотных наборов панельных данных о межотраслевом неравенстве в оплате труда и производных от него наборов данных о предполагаемом неравенстве валовых доходов домохозяйств¹, каждый из которых включает около 150 стран и около 4 тыс. независимых наблюдений «страна – год», начиная с 1963 года, открыло дверь для нового вида глобальной экономики. Такая экономика объединяет распределение – центральный предмет микроэкономики в господствующей классической и неоклассической теории – с наличием макроэкономических сил и влияний на международной и даже планетарной основе. Это экономика без априорных национальных или региональных границ, экономика без границ, эмпирическая экономика для эпохи глобализации, экономика, которая рассматривает взаимозависимость как основополагающий факт, свойства которого подлежат анализу, а не как дополнение к готовой национальной модели, как в кейнсианской макроэкономике, или как простое заклинание в мире изолированных рынков труда, движимых спросом и предложением, границы каждого из которых на практике определяются случайностью и прихотью национальных или региональных статистических агентств. Это экономика без теоретических предпосылок – она просто показывает то, что на самом деле показывают данные. Работа также выходит за рамки традиционного различия между развитыми и развивающимися странами, объединяя их в картину мировой экономики как единого целого.

Наконец, обратимся к тому, что показывает анализ². Основные факты являются одними из самых полезных. Взглянув на карту, мы увидим, что существует градиент показателей неравенства, который проходит примерно с севера на юг, от более богатых стран к более

¹ Наборы данных именуются UTIP-UNIDO и ЕНП, соответственно; находятся в свободном доступе на веб-сайте «Проекта Техасского университета по изучению неравенства». URL: <http://utip.lbj.utexas.edu>

² Возможности исследований безграничны, поскольку показатели неравенства можно сравнивать не только друг с другом, но и с другими социально-экономическими переменными: доходом, жизнью, здоровьем, насилием, счастьем и др. Команда «Проекта Техасского университета по изучению неравенства» в значительной степени избежала таких сравнений отчасти потому, что ограниченный охват других наборов данных означает, что многие сравнения влекут за собой множество потерянных наблюдений.

бедным, а также (в некоторой степени) с востока на запад, в том смысле, что социалистические или бывшие социалистические экономики (пока они не рухнули) обладали эгалитарными качествами, которых не было у их капиталистических противников. Этот градиент ясно отражает силу промышленного и городского среднего класса в богатых странах; без такого класса страна обязательно будет бедной и неравной, представляющей собой смесь помещиков (ресурсных баронов) и крестьян, батраков и крепостных. Особенно высокие показатели неравенства обнаруживаются, и это неудивительно, в нефтяных королевствах и горнодобывающих феодальных владениях третьего мира. В таблице 1 представлены страновые фиксированные эффекты двусторонней регрессии с фиксированными эффектами по показателям межотраслевого неравенства в оплате труда с 1963 по 2014 г. Несмотря на то, что коэффициенты не имеют интуитивной интерпретации, они обеспечивают ранжирование и относительный размерный эффект этих неравенств¹.

Таблица 1

Влияние страны на двустороннюю регрессию с фиксированными эффектами с использованием показателей неравенства в оплате труда в промышленности, определенных «Проектом Техасского университета по изучению неравенства-ЮНИДО»

Катар	0,374	Замбия	0,032	Болгария	0,001
Кувейт	0,290	Маврикий	0,031	Никарагуа	0,001
Кыргызстан	0,227	Эфиопия	0,030	Венгрия	0,000
Перу	0,207	Южная Африка	0,030	Республика Корея	-0,001
Тринидад и Тобаго	0,114	Сальвадор	0,030	Югославия	-0,001
Камерун	0,087	Пакистан	0,029	Бельгия	-0,002
Королевство Свазиленд (Эсватини)	0,085	Македония	0,028	Российская Федерация	-0,003
Лесото	0,083	Филиппины	0,027	Кипр	-0,003
Малави	0,080	Суринам	0,026	Хорватия	-0,004
Бурунди	0,076	Аргентина	0,026	Сейшелы	-0,004
Того	0,074	Египет	0,025	Федеративная Республика Германия	-0,005
Мозамбик	0,074	Судан	0,024	Румыния	-0,005
Папуа Новая Гвинея	0,073	Сингапур	0,024	Алжир	-0,006
Пуэрто-Рико	0,071	Турция	0,024	Оккупированная палестинская территория	-0,006
Азербайджан	0,069	Сомали	0,024	Афганистан	-0,006
Оман	0,067	Израиль	0,023	Канада	-0,007
Йемен	0,066	Буркина-Фасо	0,021	Исландия	-0,007
Руанда	0,065	Тонга	0,019	Новая Зеландия	-0,008
Ямайка	0,062	Шри-Ланка	0,019	Куба	-0,009

¹ Двусторонняя модель с фиксированными эффектами предназначена для получения сводного описания закономерностей в данных не для проверки гипотез как таковых, а для мотивации обоснованного объяснения подходящих причинных факторов. Уравнение модели: $T_{it} = \beta_i X_i + \gamma_t Y_t + \varepsilon_{it}$, где X и Y – векторы фиктивных переменных, представляющие страны и годы соответственно, а T_{it} – элементы матрицы показателей неравенства, индексированные по стране и году. Таким образом, β_i дает коэффициенты фиксированных эффектов страны, а γ_t дает временную тенденцию, общую для показателей неравенства в наборе данных, но относительно обособленную от присутствия или отсутствия конкретных показателей для любой конкретной страны в любом конкретном году. Насколько известно, это единственная согласованная таблица такого типа.

Катар	0,374	Замбия	0,032	Болгария	0,001
Марокко	0,061	Грузия	0,018	Германия	-0,009
Кения	0,060	Фиджи	0,017	Чехословакия	-0,009
Тунис	0,060	Панама	0,017	Италия	-0,009
Монголия	0,060	Казахстан	0,017	Австрия	-0,009
Индия	0,052	Ливийская Арабская Джамахирия	0,016	Австралия	-0,010
Бразилия	0,050	Мадагаскар	0,016	Ирландия	-0,010
Индонезия	0,050	Эквадор	0,016	Мальта	-0,010
Доминиканская Республика	0,049	Тайвань	0,015	Польша	-0,010
Гана	0,048	Япония	0,015	Республика Молдова	-0,011
Объединенная Респу- блика Танзания	0,048	Сенегал	0,014	Германская Демократи- ческая Республика	-0,011
Конго	0,045	Нигерия	0,014	Великобритания	-0,011
Гватемала	0,045	Португалия	0,014	Латвия	-0,013
Гондурас	0,042	Мьянма (Бирма)	0,013	Словения	-0,013
Непал	0,041	Иран	0,012	Китай	-0,013
Сирийская Арабская Республика	0,039	Венесуэла	0,012	Макао	-0,014
Уганда	0,037	Албания	0,012	Финляндия	-0,014
Иордания	0,037	Бангладеш	0,011	Люксембург	-0,014
Таиланд	0,037	Мексика	0,011	Франция	-0,014
Барбадос	0,037	Уругвай	0,010	Словакия	-0,015
Центральноафриканская Республика	0,036	Колумбия	0,007	Нидерланды	-0,015
Кот-д'Ивуар	0,035	Эстония	0,006	Норвегия	-0,016
Эритрея	0,035	Ирак	0,006	Гонконг	-0,017
Чили	0,035	Коста-Рика	0,005	Дания	-0,018
Ботсвана	0,034	Малайзия	0,004	Швеция	-0,020
Боливия	0,034	Украина	0,004	Вьетнам	-0,021
Зимбабве	0,033	Греция	0,003	Швейцария	-0,024
Замбия	0,032	Испания	0,003	Чешская Республика	-0,026
Маврикий	0,031	Литва	0,002		

Примечание: страны ранжированы по величине влияния. США служат базовым уровнем, и, таким образом, эти значения отражают среднее расстояние от базового уровня с учетом годовых эффектов. Этот рейтинг не отражает какой-либо конкретный момент времени, и в некоторых случаях показатели неравенства резко менялись за время существования группы (1963-2014 гг.). Были исключены 15 стран с менее чем 10 наблюдениями. На фиксированные эффекты также могут влиять годы, за которые имеются данные.

Таблица демонстрирует, что Кузнец был прав до определенного момента. Органическая связь между доходом и неравенством действительно есть. В целом для большинства стран в одномоментной выборке неравенство снижается по мере роста доходов. Интуиция, лежащая в основе этой закономерности, очевидна: для того, чтобы быть страной с высоким уровнем дохода, в среднем нация должна иметь сильный и процветающий средний класс и, следовательно, относительно низкое неравенство. Средний класс отличается именно

тем, что его доходы находятся на среднем уровне; в нем нет ни очень богатых, ни очень бедных. Как заметил Адам Смит, нация не может быть процветающей, пока большая часть ее населения остается бедной. Основными исключениями являются несколько ресурсных феодальных владений с очень высокими доходами, в частности, нефтяные королевства Персидского залива, чьи неравенства являются результатом импорта их ручного труда из других стран, в первую очередь из Пакистана, Индии и Шри-Ланки.

Взгляд Кузнецца на начальный период эгалитарного крестьянского хозяйства применим только к небольшому числу случаев, например, к Северной Америке к северу от линии Мэ-йсона-Диксона в XVIII и XIX вв. и к внешнему миру тоже, только если исключить – как это сделал он – лендлордов и доход от ренты. Примеры послереволюционного Китая и Индии после 1992 г. соответствуют восходящей кривой на модели Кузнецца в виде перевернутой буквы U. Однако большое количество развивающихся стран, особенно в Латинской Америке, находятся аккурат на нисходящей части кривой Кузнецца; когда рост сильный, неравенство снижается, а когда рост слабый, оно возрастает. В индустриальном и полуиндустриальном мире относительно эгалитарное общество с процветающим средним классом является результатом индустриализации, урбанизации и социальной политики. Страны с небольшим разрывом между городом и деревней обычно достигают этого, поддерживая сельское хозяйство за счет излишков городов.

Между тем внимательное изучение нескольких самых богатых стран (США, Великобритании и Японии) показывает, что в этих случаях неравенство возрастает по мере роста экономики. Это очевидное следствие структурной концентрации на технологиях и финансах в глобальном контексте. Страны, которые экспортируют финансовые услуги и передовое капитальное оборудование по всему миру, испытывают рост неравенства во время инвестиционного бума и снижение неравенства во время его спада. «Расширенная кривая Кузнецца» [Conceição, Galbraith, 2002] отражает эти упрощенные факты: перевернутая буква «U» приобретает наклоненный вверх хвост по мере роста доходов, хотя лишь немногие страны, вероятно, перейдут на эту стадию развития, поскольку поставка передовых средств производства и новые технологии неизбежно являются ограниченным элементом глобальной экономики. Короче говоря, Кузнец правильно уловил решающую роль, которую играют межсекторальные структурные изменения в неравенстве. Однако его исторический опыт не позволил ему применить это правильное понимание к специфическим фактам глобализации.

Второе наблюдение вытекает из дальнейшего взгляда на карты: страны ядра мировой экономики (назовем их ОЭСР) похожи друг на друга, причем на своих близких соседей больше, чем на дальних¹. Так, скандинавские страны образуют блок с низким уровнем неравенства, как Германия и ее соседи, в то время как средиземноморские страны более неравны. Это признаки экономической интеграции; большие различия происходят только при преодолении масштабных границ и расстояний. Кроме того, крупные континентальные регионы – Соединенные Штаты – обязательно более неравны, чем небольшие европейские государства, взятые по отдельности, хотя, как отмечалось выше, картина меняется, если рассматривать Европу как единую интегрированную континентальную экономику, добавляя элемент неравенства в оплате труда между странами к внутристрановым компонентам. Еще одна трудность точного сравнения неравенства доходов верхних слоев населения

¹ Карты можно найти на сайте «Проекта Техасского университета по изучению неравенства». URL:<http://utip.lbj.utexas.edu>.

заключается в более высокой налоговой отчетности Соединенных Штатов по сравнению с Европейским Союзом, богатым налоговыми убежищами.

Анализируя национальные модели во времени, становится ясно, что показатели неравенства, особенно показатели неравенства в оплате труда в обрабатывающей промышленности, а также многие географические и межсекторальные показатели, взятые из источников национальных данных, являются чувствительным зеркалом основных политических событий. Так, переворот в Чили в 1973 г.; в Аргентине в 1976 г., либерализация 1992 г. в Индии, реформы после 1993 г. в Китае и, прежде всего, распад СССР и социализма в Восточной Европе демонстрируют моменты роста неравенства. В некоторых случаях они драматичны. Между тем, иранская революция, ирано-иракская война и период постнеолиберального восстановления (и более высоких цен на сырьевые товары) в Южной Америке и России в 2000-х гг. относятся к числу ограниченных примеров снижения неравенства. Социальные последствия снижения неравенства не всегда однозначны; страна с низким уровнем неравенства может потерять свои высшие и более амбициозные элементы из-за эмиграции. В качестве яркого примера можно привести данные по Германской Демократической Республике, которые показывают устойчивое снижение неравенства до тех пор, пока страна не исчезла. Однако, как правило, низкое и стабильное неравенство связано с сильными институтами и богатством; высокое и колеблющееся неравенство – это удел более бедных стран с открытой экономикой, «дрейфующих в море долгов», нестабильных цен на сырье и колеблющихся процентных ставок, а также военных конфликтов и политических потрясений.

Модели географической близости устанавливают существование взаимозависимости и глобальных иерархий. Они подтверждают центрально-периферийный взгляд на экономические отношения в условиях глобального капитализма и ставят крест на практике национального экономического моделирования, за исключением крупнейших и наиболее автономных экономик мирового центра; большинство стран не являются автономными и находятся в условиях доминирования глобальных сил и тенденций. Они также устанавливают транснациональный масштаб распределительных отношений, ставя под сомнение понятие «микрооснования». Вместо построения консолидированной картины на основе данных об отдельных лицах или домохозяйствах (подход, предполагающий автономию этих единиц), мир, по-видимому, структурируется сверху вниз. И тогда возникает вопрос: какими основными силами?

Ответ можно искать в поиске в данных для глобальных закономерностей – временных тенденций и поворотных моментов. Существование общей модели движения является доказательством «prima facie» (достаточным при отсутствии опровержения) наличия общей основной силы, имеющей широкое глобальное влияние на национальное распределение заработной платы или доходов. С другой стороны, она также является доказательством того, что чисто национальный или местный анализ «рыночных сил» – суть неоклассического микроэкономического анализа и анализа рынка труда – не может быть достаточным для объяснения рассматриваемого явления.

Обсуждение: глобальная макроэкономика и неравенство

Анализ тенденций и изменений в неравенстве дает четкое представление о размахе событий. Есть четыре тенденции и три отчетливых поворотных момента. В 1963-1971 гг. появляется небольшая тенденция к снижению. После 1971 г. (и 1973 г., когда произошел неф-

тяной кризис) несмотря на то, что в некоторых богатых странах неравенство возросло, в большей части мира оно продолжило снижаться. Но после 1980 г. происходят радикальные перемены, и мир вступает в период значительного роста неравенства, наблюдаемого в различных регионах, начиная с Латинской Америки и Африки, затрагивая Восточную Европу и (бывший) СССР после 1989 г. и переходя в Азию в 1990-е гг. В 2000 г. наступает еще один поворотный момент, после которого стабилизация и даже умеренное снижение неравенства наблюдаются в России, Китае, Латинской Америке, некоторых частях Африки и других странах. На рисунке 1 показана эта временная тенденция, оцененная выше, по всему набору глобальных данных. Ключевые поворотные моменты в начале 1970-х гг., в 1981 и 2000 гг. становятся очевидными.

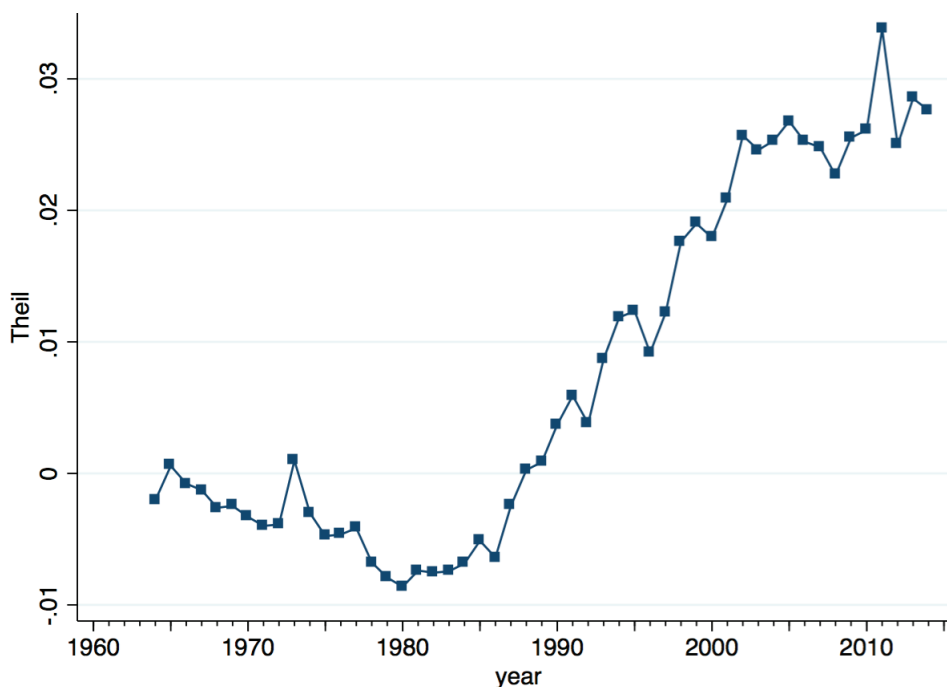

Рис. 1. Временная тенденция глобального неравенства

Примечание: тенденция измеряется на основе заработной платы в различных отраслях промышленности и рассчитывается как временной коэффициент двусторонней модели с фиксированными эффектами с использованием набора данных, предоставленного Проектом Техасского университета по изучению неравенства-ЮНИДО. Базовым годом является 1963 г., и, таким образом, каждый коэффициент относится к различиям с этим годом.

Смысл этих закономерностей кажется понятным если рассмотреть элементарные знания о ключевых экономических событиях в глобальном масштабе. В 1971 г. система стабилизации обменного курса Бреттон-Вудских институтов рухнула или точнее была торпедирована ведущей страной – Соединенными Штатами. За этим последовал девятилетний бум цен на сырье, связанный с нефтью и подпитываемый переработкой нефтедолларов в кредиты коммерческих банков странам третьего мира. Неравенство снизилось в (многочисленных, относительно бедных) странах-производителях сырьевых товаров и странах с увеличивающимся долгом, которые быстро росли: оно возросло среди меньшего числа (относительно богатых) промышленно развитых потребителей, особенно в кризисный 1973 г.

Два простых параметра, поток долга и цены на нефть, доминировали в глобальной модели, в то время как национальные институты и политика оказывали влияние на время действия в отдельных случаях, таких как перевороты в Чили (1973 г.) или Аргентине (1976 г.) в отношении растущего неравенства по сравнению (скажем) с революцией в Иране (1979 г.).

Эти закономерности согласуются с центральным тезисом оригинальной гипотезы Кузнецца – в мире, где большинство стран расположены на нисходящей кривой перевернутой буквы U. В большинстве таких случаев более сильный экономический рост, вызванный экспортом сырьевых товаров или долгами, направляет излишки рабочей силы в официальную и неофициальную деятельность, что повышает заработную плату более быстрыми темпами в нижней части шкалы заработной платы по сравнению с верхней частью шкалы. Двумя большими исключениями в те годы были Китай и Индия, явно все еще находившиеся на восходящей кривой по Кузнеццу, но еще не начавшие в то время длительные фазы роста и развития.

В 1981 г. глобальный кризис положил конец буму, связанному с сырьевыми товарами, долгами и развитием. Кризис сперва ударил по странам с наибольшей задолженностью, спровоцировав крах инвестиций, деиндустриализацию, коллапс государственных доходов и государственных услуг, а в некоторых случаях – Чили, 1982 г. – банковский кризис. Неравенство росло по мере уничтожения среднего класса. В конечном итоге более защищенные страны – восточный блок – также пали под давлением и, как следствие, внутривнутриполитической напряженностью и собственной структурной слабостью. Затем финансовая либерализация и связанное с ней недовольство распространились на наиболее успешные из развивающихся стран, «восточноазиатских тигров», которые вступили в кризис в 1997 г. Китай испытывал рост неравенства по мере ускорения реформ и урбанизации в начале 1990-х гг., но, сохраняя контроль над капиталом на протяжении всего времени – и сопротивляясь искушению его снять¹ – Китай остался незатронутым этим заключительным актом. То, что Китай был готов пожинать плоды в следующем десятилетии, не вызывает удивления.

В 2000-х гг. после обвала системы Службы автоматизированных котировок Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам (NASDAQ) в апреле 2000 г. и терактов 11 сентября 2001 г., глобальные процентные ставки упали, а по мере роста Китая цены на сырьевые товары восстановились, дав возможность левым правительствам прийти к власти в Южной Америке и других регионах Африки, что обеспечило широкомасштабный экономический рост и сокращение бедности. Тем временем рост в Китае распространился за пределы первоначальной географической концентрации в Гуандуне, Шанхае и Пекине, так что Китай тоже двинулся в сторону нисхождения на кривой Кузнецца [Zhang, 2016]. В России новое правительство взяло частичный контроль над национальной ресурсной базой, стабилизировало условия жизни и возобновило контроль над продолжительностью жизни, рождаемостью, эмиграцией и насилием – после распада СССР в начале 1990-х гг. наблюдался резкий спад по этим показателям. Таким образом, в России неравенство также снизилось после конца 1990-х гг. В США возникла модель кривой зубчатой формы, в основе которой лежала стагнация, увенчанная ростом доходов спекулянтов недвижимостью и ипотечных мошенников, все это характерные элементы эпохи Буша и Обамы. В Европе консолидация

¹ В то время автор занимал должность главного технического советника по макроэкономической реформе Государственной плановой комиссии, а в 1995 г. организовал дискуссии по контролю за капиталом для руководства китайской экономической политики. Роберт Эйснер и Джейн Д'Ариста говорили на этих встречах о целесообразности сохранения контроля.

Еврозоны повторила глобальный бум 1970-х, когда поток капитала в Португалию, Ирландию, Грецию и Испанию подготовил почву для кризиса.

Любопытно, что Великий финансовый кризис в первую очередь стал катастрофой для богатых стран, сократив измеряемое неравенство для очень богатых стран на расширенной, или вторичной, восходящей кривой Кузнеца. Это можно увидеть в национальных данных по Соединенным Штатам, а также в общеевропейских данных, показывающих относительные потери в Лондоне и Париже, крупнейших финансовых центрах. Воздействие на весь мир распространялось по другим каналам: снижение цен на сырьевые товары, возвращение реакционных правительств (по всей Латинской Америке, а также в Индии) и особенно и прежде всего, нелепое стремление к переводу средств в доллары США, рынкам капитала и казначейским облигациям. Последнее открытие подчеркивает следующую мысль: связь неравенства в оплате труда с обменными курсами, измеряемыми относительно доллара.

Чтобы увидеть влияние обменных курсов на неравенство, предположим, что у производителя есть только два возможных рынка – внутри страны и за ее пределами. Обычно страна экспортирует свою лучшую продукцию, а уровень заработной платы в экспортирующих секторах выше, чем в тех, которые продают только или в основном внутри страны. Из этого следует, что обесценивание национальной валюты увеличивает неравенство: доход экспортера в песо, реалах или рупиях увеличивается, в то время как доход неэкспортера остается прежним. Неравенство возрастает с точки зрения бухгалтерской отчетности, тем более если возросшие потоки местной валюты концентрируются внутри экспортного сектора и направляются в верхние эшелоны этого сектора. Никакой поведенческой реакции или воздействия на торговые потоки не требуется. Девальвация усиливает неравенство. Так, завышение валютного курса создает условия, в которых возрастает уязвимость относительно роста неравенства. Эти выводы подкрепляют аргументы Луиса Карлоса Брессера-Перейры (2010) и его нового подхода к развитию, девелопментализму, который призывает все развивающиеся страны сохранять строгий контроль над международными финансовыми потоками и финансировать собственное развитие за счет собственных сбережений. Поскольку мы знаем, что колебания в неравенстве по оплате труда приводят к неравенству доходов домохозяйств, кривая причинно-следственной связи однозначна; она должна пробегать значения от обменного курса до показателя неравенства.

Статистическая погоня подходит к концу: глобальный финансовый капитал, который, начиная с 1971 г., годами был движущей силой движения неравенства, измеряемого как внутри стран, так и во всем мире, кажется, установился. Во всем мире неолиберальная контрреволюция создала условия для глобального роста неравенства, и начавшиеся в начале 1980-х гг. и спровоцированные неолиберализмом финансовые кризисы, долговые кризисы и последовавшие политические кризисы сделали свое дело. В самых богатых странах мирового центра, особенно в США, основной движущей силой неравенства является растущая позиция финансового сектора и рыночная капитализация технологического сектора – фирм, которые контролируют «экономику знаний». Вот вкратце какой вывод мы можем сделать о взаимосвязи между глобализацией и неравенством.

Выводы

Конкретное значение ноономики [Bodrunov, 2024] заключается в том, что экономика знаний, предоставленная на откуп процессам свободного рынка, является мощным и

порочным механизмом концентрации богатства и власти, и дополнительная особенность заключается в том, что товар, который разрабатывается, продается и монополизирован, представляет собой поток социального, политического и экономического нарратива. Наши олигархи, в отличие от железнодорожных, нефтяных и автомобильных баронов прежних времен (т.е. от Корнелиуса Вандербильта, Джона Д. Рокфеллера и Генри Форда в Соединенных Штатах) обязаны своей рыночной капитализацией влиянию на сами наши умы. Таким образом, их потенциальная власть даже больше, чем у финансовых олигархов, контроль которых распространяется на владение и узуфрукт денег. Когда Кейнс писал, что миром управляют идеи, он не имел в виду и, возможно, не мог представить себе мир, в котором сами идеи превращаются в товар и монополизированы. Но мы находимся в этой точке.

Таким образом, задача, с которой мы все сталкиваемся, заключается в том, чтобы начать использовать или вернуть в использование экономику знаний для общественных целей, отказавшись от нынешней тенденции к частной власти и неограниченному обогащению посредством нарративного контроля. А что есть общественная цель? Я считаю, что в философской традиции, известной как прагматизм и связанной с Чарльзом Сандерсом Пирсом, Торстейном Вебленом, Уильямом Джеймсом и Джоном Дьюи, общественная цель складывается на основе отношений. Идея – это не товар, а процесс разговора, спора, соглашения и убеждения, ведущего к согласованным действиям для достижения общей цели. Для того чтобы это произошло, человек со всеми своими талантами не должен иметь власть над совокупностью фактов (или предполагаемых фактов) или определенным набором суждений. Важна способность думать, рассуждать, анализировать и готовность бороться за общее понимание и решение. Этот элемент является существенным различием между демократией и фашизмом.

Торстейн Веблен (Veblen, 1904) и Кларенс Эйрс [Ayres, 1962], экономист середины XX века из моего родного института, Техасского университета, заметили, что дух научного или обоснованного исследования, в отличие от церемониальной веры, создавался через строгий причинно-следственный порядок машинного процесса. Их точка зрения была противоположной распространенному представлению, выдвинутому Марксом и многими романтиками, и, возможно, достаточно верному на некоторых более ранних стадиях промышленного развития – что машина делает рабочего жестоким и, в конечном итоге, превращает его в бездумный автомат. Веблен и Эйрс утверждали, что, наоборот, участие в промышленных процессах порождает компетентность; оно обеспечивает неотъемлемый элемент контакта с материальным миром. А эволюция технологий происходит только в практическом и постепенном контакте с компонентами промышленного процесса. Это, пожалуй, самый сильный аргумент в пользу построения и поддержания индустриального общества. Без этого ментальные структуры, предусмотренные законами физики, механики, термодинамики и эволюции, теряют свое влияние на человеческий разум, который позже может быть соблазнен всеми видами невозможных политических, экономических и социальных убеждений.

Таким образом, можно определить центральную классовую борьбу в эпоху ноономики. Это не крестьянин против господина или капиталист против рабочего. Скорее, это аргумент, создаваемый конкретными манипуляциями с физическим миром (биологическими, химическими, механическими) против неокрепшего воображения, зависящего от нарративного контроля.

Эта борьба имеет национальные и международные измерения. В каждой стране есть своя роль и вес, отведенные техническим специалистам и инженерам. У стран существуют преимущества и недостатки, связанные с конкуренцией между ними. Великие олигархи Америки на данный момент Meta, Google, X являются инструментами нарративного контроля. Технические возможности Китая просматриваются в недавнем строительстве крупнейшей в мире сети высокоскоростных железных дорог, а также в других недавних достижениях. Одна из направленностей – это вопрос цифровых иерархий и статуса – цифровой неолиберализм. Другая связана с созданием и эксплуатацией сложной физической сети. Надо признать, что порядки физических законов в некоторой степени авторитарны; мир воображения гораздо свободнее, чем мир физики, биологии и техники. И все же неудачу или успех обществ в долгосрочной перспективе будут определять типы людей, которые формируют эти различные специализации.

Список источников/References

- Ayres C.E. (1962). *Theory of Economic Progress*. Schocken Books.
- Bodrunov S. (2024). *Noonomy*. USA: Apple Academic Press. 267 p.
- Bresser-Pereira, Luiz Carlos (2010). *Globalization and Competition: Why Some Emergent Countries Succeed While Others Fall Behind*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Conceição P., Galbraith Ja. (2000). Constructing Long and Dense Time Series of Inequality Using the Theil Statistic. *Eastern Economic Journal*. Vol. 26(1). Pp. 61-74.
- Conceição P., Galbraith Ja., Bradford P. (2001). The Theil Index in Sequences of Nested and Hierarchical Grouping Structures: Implications for the Measurement of Inequality Through Time, With Data Aggregated at Different Levels of Industrial Classification. *Eastern Economic Journal*. Vol. 27(4). Pp. 491-514.
- Conceição P., Galbraith Ja. (2002). Technological intensity and inter-sectoral dynamics of inequality: evidence from the OECD, 1970-1990. *International Journal of Technology Policy and Management*. Vol. 2. No 3. Pp. 315-337.
- Ferguson T., Galbraith Ja. (1999). The American Wage Structure, 1920-1947. *Research in Economic History*. Vol. 19. Pp. 205-257.
- Galbraith Ja. (1989). *Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future*, New York: Basic Books.
- Galbraith Ja., Berner M. (2001). *Inequality and Industrial Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Galbraith Ja., Choi J. (2020). Inequality Under Globalization: State of Knowledge and Implications for Economics. *Real World Economics Review*. No 92.
- Kuznets S. (1955). Economic Growth and Income Inequality. *The American Economic Review*. Vol. 45(1). Pp. 1-28.
- Schumpeter J.A. (1942). *Capitalism, Socialism and Democracy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Theil H. (1972). *Statistical Decomposition Analysis: With Applications in the Social and Administrative Sciences*. Amsterdam-London.
- Veblen T. (1904). *Theory of the Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.

Информация об авторе

Джеймс К. Гэлбрейт

Профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине

E-mail: Galbraith@fastmail.com

Information about the author

James K. Galbraith

Professor of Lyndon B. Johnson School of Public Affairs - University of Texas at Austin

E-mail: Galbraith@fastmail.com